

Религия и политический процесс: «четвертая волна» демократизации

Роман Николаевич Лункин, Институт Европы РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: romanlunkin@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирована роль религии в социально-политических процессах, происходящих в Европе, на постсоветском пространстве и – шире – в западном мире. Применен структурно-функциональный подход, методы социологического и политологического анализа религиозного фактора как политического явления.

Цель исследования – анализ роли мировых религий (в основном христианства) в демократических процессах на примере стран-членов Евросоюза и постсоветского пространства. Особое внимание уделено участию различных христианских церквей в социально-политических трансформациях, в конфликтах и «оранжевых революциях», а также противостоянию религии идеологии современной либеральной демократии с позиций традиционализма. Сделан вывод, что религия стала важным маркером всемирного явления, которое можно назвать «четвертой волной» демократизации (следуя периодизации С. Хантингтона). Если в рамках «третьей волны» религия была одним из элементов и одновременно объектов демократизации, то с 2000-х гг. религия – это главный импульсный фактор всего процесса традиционалистской демократизации в социальном, политическом и культурном измерениях. Гражданская активность верующих корректирует либеральную демократию, делает ее более «моральной», а не архаичной. Заслуга религии – в достаточно четком обозначении границ, за которые демократии будущего не стоит переступать: это признание права на традиционные моральные устои за целыми обществами и государствами, признание ценности религии и религиозных символов, а также значения традиционных либеральных свобод, как то: признания равенства символов. Также заслуга религии – в защите личности каждого человека и свободы слова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

либеральная демократия, религиозная идентичность, демократизация, традиционализм, гражданский активизм, постсекуляризм

В современном обществе религия и верующие по-прежнему играют важную роль. При этом количество последователей разных религий, по существу, радикально не изменилось: численность и мусульман, и христиан в мире растет, хотя в западных странах число христиан продолжает падать¹. Роль религиозного фактора в международных отношениях заметно возросла в ходе конфликтов на Ближнем Востоке, после терактов 11 сентября 2001 г., с началом миграционного кризиса в Европе и с появлением страхов перед исламизацией. Однако все эти явления напрямую не связаны с самими верующими в том смысле, что в рамках происходящих конфликтов они становятся инструментами политики и массмедиа. Самостоятельная, заметная и часто успешная активность верующих в агрессивном или по меньшей мере в равнодушном к вере секулярном обществе до сих пор является необъяснимым феноменом.

Между тем влияние религии резко возросло в последнее десятилетие не только в международных делах, но и во внутренней политике разных государств мира, особенно в контексте демократических процессов. И это проявляется как в стремлении защитить демократические ценности, институты и механизмы, так и в отстаивании права на свое мнение и представление об обществе, семье, человеке, его моральном образе и ценностях – то есть, налицо религиозно мотивированный мировоззренческий плюрализм. Парадокс состоит в том, что, как только религия снова стала символом солидарности значительной части общества, но уже в контексте его демократизации, она стала восприниматься в качестве преграды для развития даже в большей степени, чем раньше, в секулярном XX в., когда отношение к вере было скорее ироничное, как к чему-то отжившему. В XXI в. религия, действительно, потеряла достаточное влияние, чтобы управлять политическими процессами и повседневной жизнью людей, но осталась достаточно сильной, чтобы воспитать гражданских активистов, играющих большую роль в отдельных странах и в глобальных идейных противостояниях. Основной исследовательский вопрос статьи в следующем: какова же роль религии (рассмотрим в основном христианские церкви) в демократических процессах стран-членов Евросоюза и постсоветского пространства? География исследования обусловлена тем, что именно в этом регионе христианский фактор играет особую роль во многих кризисах и социально-политических изменениях. При этом заявленная проблема касается не только христианства, но и других религий, прежде всего ислама, который требует особого исследования. Авторская гипотеза состоит в том, что религия, несмотря на секуляризацию общества, стала основной движущей силой трансформации либеральной демократии в мире. В то же время существующие исследования пока не дают исчерпывающего ответа на вопрос, какого рода перелом произошел в политизации религии к 2020-м гг.

С начала 1990-х гг. с переменным успехом предпринимались попытки переосмыслить дискурс секуляризации. Наиболее популярной работой, в рамках которой религия рассматривалась именно как политический фактор изменений, стала концепция С. Хантингтона. Он выделил «первую волну» демократизации

1 "The Global Religious Landscape," Pew Research Center, accessed November 20, 2021, <https://www.pewforum.org/2012/12/18/global-religious-landscape-exec/>.

1820–1926 гг., связав ее с появлением национальных государств; «вторую волну» 1943–1962 гг. С. Хантингтон связал с послевоенным устройством мира и началом деколонизации; и «третью волну» – с 1974 по 1991 г. – начиная с падения диктатуры в Португалии и вплоть до распада СССР. Для С. Хантингтона политическая роль религии в «третьей волне» демократизации в мире, в том числе в переходе к постсоветской демократизации, была решающей для укрепления прав человека и демократических механизмов¹. Особую роль в этом процессе сыграла Католическая церковь, выступавшая против тоталитарных режимов в целом, отказавшись от политического корпоративизма. При Иоанне Павле II Церковь стала сторонницей прав человека и главным критиком диктаторов в Европе или Латинской Америке. Уже в процессе и после распада СССР большую роль в демократизации стран Восточной Европы сыграли православие и протестантизм. Обычно «третью волну» подразделяют на умеренную, которая затронула Латинскую Америку, Африку, Восточную и Южную Азию, и взрывную начала 1990-х гг., которая затронула бывшие социалистические страны². Трансформацию стран Центральной и Восточной Европы, их вхождение в Евросоюз, также рассматривают как «четвертую волну» демократизации³. К «четвертой волне» иногда приписывают революции и перевороты в рамках «арабской весны» 2010-х гг.⁴

Еще в 1990-е гг. Х. Казанова одним из первых отметил неизбежность нового вмешательства религии в политику и ее роль в гражданском обществе уже внутри демократических государств. По его мнению, религиозные традиции отказались смириться с маргинальной ролью «частного дела», которую отвели им модернизм и секуляризм. Реполитизацию религиозной и моральной частной сферы Х. Казанова назвал деприватизацией религии⁵. Фактически Х. Казанова предвосхитил процесс, который можно назвать участием религии в «четвертой волне» демократизации в мире, или «религиозной демократизацией». Ее отличительной чертой стала ключевая роль религиозных ценностей во внутренней трансформации либеральной демократии.

В начале XXI в. принято говорить о постсекулярной эпохе, когда секуляризация не уходит, но религиозные интенции, мотивации, требования возвращаются в публичное пространство⁶. Наряду с этим религиозная сфера стала рассматриваться как источник опасности⁷. Эта тема стала наиболее острой, когда религию стали использовать националистически настроенные политики. Их критика иммиграции априори считается ксенофобией и человеконенавистничеством, и, хотя это далеко не всегда так, все церкви осудили популизм как явление. Несмотря на это, многие исследователи полагают, что религиозная идентичность провоцирует популистское восстание против порядка, основанного на ценностях демократии, то есть религия (религиозный фанатизм в связке с государственной

1 Huntington 1993.

2 Doorenspleet 2000.

3 Яжборовская 2013.

4 Шумилин, А.И. Мифология авторитаризма. Ей противостоит «четвертая волна» демократизации // Новая газета. 12 апреля 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2012/04/12/49232-mifologiya-avtoritarizma-ey-protivostoit-171-chetvertaya-volna-187-demokratizatsii> (дата обращения: 03.09.2021).

5 Casanova 2008, 5.

6 Шишков 2012, 165–177.

7 Haynes 2020.

властью) подрывает либеральную демократию¹. Ранее сомнения в способности адаптироваться к демократии возникали только в отношении ислама. Между тем мусульманские организации стали, наряду с христианскими, довольно заметными участниками общественно-политических и культурных процессов в Европе, а увеличение их социальной роли стало вызывать больше раздражения, чем раньше, когда о них вспоминали лишь в связи с проявлением исламского фундаментализма и экстремизма. Лишь недавно появились попытки переосмыслить ислам с позиций истинности религиозного знания, амбивалентности сакрального (возможности использовать во вред и во благо)², отвергнув марксистскую трактовку религии как маски и симулякра³. Чтобы не отвергать веру вообще, «статичной религии» популистов противопоставляется «динамичная религия», более толерантная и открытая⁴. К примеру, Т. Кремер подчеркивает, что позитивный потенциал религии отнюдь не исчерпан, поскольку религиозные общины исторически служили социальным буфером, островом солидарности и политическим «мостостроителем» в периоды потрясений. В качестве потрясений выступают неспособность либерального общества строить объединяющую всех политическую культуру, подрыв устоев традиционного общества, семейных ценностей, чувства принадлежности и идентичности в ходе глобализации. Быстрая секуляризация еще больше разделяет общество, о чем говорит пример США и Британии в период Брежневского кризиса, а также противостояние религиозных и светских правых в Европе⁵. С позитивистской точки зрения, роль религии уменьшается по мере увеличения уровня открытости и безопасности в обществе⁶. Однако в данном случае недооценены идеологические угрозы безопасности граждан. Подъем правых, по мнению Р. Инглхарта и П. Норрис, стал консервативной реакцией на либеральную «тихую революцию», когда часть избирателей, идентифицирующих себя с ценностями веры, семьи и нации, просто оказалась не готова к постматериалистическим ценностям гражданских свобод, прогресса и экологии⁷. С этой точки зрения, участие религии может рассматриваться и как откат от демократизации, что является искажением и упрощением как демократических процессов, так и религиозных мотиваций.

Религия в силу своей амбивалентности также встраивается в процессы модернизации или архаизации, под которыми понимаются и авторитарные тенденции, и отказ от либеральных ценностей в постсоветских странах и других государствах мира⁸. Если религиозный фанатизм и экстремизм лежат на поверхности, то приверженность верующих принципам свободы не считается само собой разумеющимся. Однако именно демократический потенциал разных церквей и религиозных направлений поставил их в центр борьбы за демократию против «либерального тоталитаризма».

1 Elcott et al. 2021.

2 Appleby 2000.

3 Rogozinski 2017.

4 Palaver 2020.

5 Tobias Cremer, "Democracy after God. Faith, Populism, and the Limits of Postreligious Politics," *Braking Ground*, May 19, 2021, accessed November 20, 2021, <https://breakingground.us/democracy-after-god/>.

6 Inglehart et al. 2005.

7 Norris et al. 2019.

8 Rabkin et al. 2018.

Роль религиозного фактора в «четвертой волне» демократизации

Исходной точкой анализа роли религии является следующий факт: религиозные институты в западных и в незападных обществах признают демократические принципы, институты, ценности прав и свобод человека. Это признание состоялось в XX в., когда в разной степени почти все мировые религии восприняли демократию в качестве наиболее гуманного способа правления, утверждающего ценность личности, которая в прошлые века далеко не всегда была столь очевидна. Об адаптации демократических идей в религиозной среде, прежде всего в христианской, свидетельствуют роль протестантских общин в построении демократии в Америке (которая была описана еще А. де Токвилем в XIX в.), Второй Ватиканский собор Католической церкви, переосмысливший роль церкви в обществе и в межрелигиозном диалоге, ее отношения с государством, а также постепенная демократизация мировоззрения Русской православной церкви (РПЦ)¹: от постсоветского отрицания демократии церковными лидерами до отстаивания свободы совести в мире в 2010-х гг. вместе с католиками (что было подтверждено в Гаванской декларации патриарха Кирилла и папы Франциска в 2016). В мусульманской теологии также появились концепции евроислама, приспособления ислама к рыночной экономике и европейской демократии². Религиозный демократизм был воплощен и на практике: в рамках глобальной миссии исламских, индуистских и буддистских течений, их успешного распространения, в том числе на Западе; в участии Ватикана в демократической трансформации Латинской Америки и стран бывшего СССР (особенно стоит отметить личное участие Ватикана в борьбе с коммунизмом, в поддержке «Солидарности» в Польше и т.д.); в миссии православия и протестантизма в России и Африке, протестантизма и католицизма в Юго-Восточной Азии и Китае. Таким образом, религия уже к концу XX в., учитывая и религиозное возрождение в постсоциалистических странах, стала значимой демократической силой в мире³.

Началом «четвертой волны» демократизации можно считать социально-политические конфликты, «оранжевые» и иные революции, перевороты на постсоветском пространстве в периоде окончания «четвертой волны» пока говорить рано, скорее всего, она достигла своего пика (или одного из своих пиков), когда вопрос об идентичности и традиционализме стал ключевым в международных отношениях с кризисом иммиграции в западных странах и периодом правления Д. Трампа в США. В качестве наиболее оппозиционной силы в этот период себя проявили протестантские церкви, политическая радикализация которых происходила из-за столкновений с властями по вопросам миссии, социального служения, образования, в целом их дискриминации как «нетрадиционных» конфессий. Баптисты, пятидесятники, евангелисты повсеместно устраивали манифестации в защиту своих прав. В качестве противников авторитаризма протестанты показали себя во время президентских выборов на Украине в 2004–2005 гг.⁴, в Киргизии в ходе «революции тюльпанов» в 2005 г., во время президентских выборов в Беларуси в 2004 г. (евангельские лидеры высказались против изменения

1 Митрофанова 2004.

2 Наумкин 2009; Сюкияйнен 2007.

3 Малашенко et al. 2009.

4 Van der et al. 2015.

Конституции и очередного срока А. Лукашенко). Протестанты и их представители вошли в состав ведущих партий и были избраны в парламенты Украины и Латвии¹. Соответственно, социальную базу «трампизма» составили консервативные протестанты и католики.

В 2010-е гг. на арену политических конфликтов вышли уже православные церкви. Протестанты к этому времени претерпели значительную эволюцию в сторону более государственнической позиции – как под воздействием меняющегося общественного мнения, так и в результате давления властей. Православию же пришлось отстаивать свои интересы и право на собственное мнение от притязаний властей. На Украине стремление президента П. Порошенко создать свою национальную церковь вылилось в учреждение Поместной церкви Украины на основе Киевского патриархата. Самая многочисленная церковь – Украинская православная церковь (УПЦ, в составе РПЦ) – сумела организовать выступления мирян и духовенства против политики властей, многотысячные крестные ходы как демонстрацию силы. В итоге законы, инициированные при П. Порошенко, которые облегчили бы перевод общин из УПЦ в ПЦУ, при В. Зеленском были фактически отменены. Таким образом, УПЦ утвердила себя в качестве национальной церкви, где господствует принцип политического плюрализма, где условно есть и противники России, и ее друзья.

В Белоруссии фактор христианского гражданского активизма был чрезвычайно заметен в ходе противостояний власти и части общества после президентских выборов августа 2020 г. Практически все конфессии в той или иной мере осуждали насилие, которое происходило на улицах, были и умеренные высказывания, и более оппозиционные о жестокости со стороны ОМОНа. Ведущая церковная структура – Белорусская православная церковь (БПЦ, в статусе экзархата РПЦ) – не перешла на сторону оппозиции, но и не стала безоговорочной опорой для существующей власти. Высшее церковное руководство, бесспорно, проявляет лояльность по отношению к президенту А. Лукашенко, но нет никакой гарантии, что в ситуации политической турбулентности не поднимется такая же волна «сопротивления» со стороны рядового духовенства. Наряду с этим очевидно, что прозападная оппозиция настроена против БПЦ. В оппозиционном лагере и до событий 2020 г., и после них звучали призывы создать свою национальную церковь, поддержать структуру, альтернативную БПЦ – автономную церковь, действующую в основном в США, а также включить представителей ЛГБТ-сообщества в Координационный совет оппозиции. В такой ситуации церковь большинства явно окажется под сильным политическим давлением при любой иной «прозападной» власти в Белоруссии. Однако 2020 г. показал, что БПЦ в момент кризиса проявляет себя как политически многообразная сила, где священники и миряне далеко не полностью подчиняются руководству и становятся умеренной оппозицией (в отличие от белорусских католиков, которые заняли более радикальную точку зрения против «режима А. Лукашенко»)².

1 Малащенко et al. 2007, 175–222.

2 Фаустова, М. Белорусская церковь в заложниках у Лукашенко // НГ-Религии. 18 августа 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2020-08-18/9_492_belorussia.html (дата обращения: 03.09.2021); Лункин, Р.Н. Уроки белорусской «революции милосердия». Церкви показали, что могут представлять для госвласти серьезную угрозу // НГ-Религии. 16 марта 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2021-03-16/9_504_lessons.html (дата обращения: 03.09.2021).

В России переломным моментом стал 2012 г., когда часть духовенства и мирян впервые с начала 1990-х гг. выступила с политическими заявлениями в защиту «честных выборов». В 2014 г. руководство РПЦ заняло нейтральную позицию в рамках российско-украинского конфликта, что резко отличалось от официальных заявлений светских политиков. Затем последовали письма духовенства и мирян в защиту задержанных по «московскому делу» в 2019 г., в поддержку христиан Белоруссии в 2020 г., призыв к милосердию по отношению к А. Навальному в 2021 г.¹

В странах Европейского союза лидеры католиков, православных, протестантов не поддерживали европейских популистов, многие из которых прямо апеллировали к традиции и религии и говорили о реальных проблемах с миграцией и о рисках размытия национальной идентичности, но оставляли место для «искушения» национализмом, антисемитизмом, изоляционизмом. Наиболее консолидировано церкви выступили в защиту иммигрантов, особенно тех, кто ищет убежище и терпит лишения в стране, куда приехал работать, от националистов². Накануне выборов в Европарламент 2019 г. объединения различных христианских конфессий и Конференция католических епископов ясно высказались об опасности популизма, национализма и изоляционизма ради христианской идентичности и европейского единства³. В 2021 г. накануне выборов в Бундестаг Католический центр социальных наук Германии (KSZ) вместе с епископской конференцией и Центральным комитетом немецких католиков (ZdK) опубликовали доклад с анализом программ различных партий. Оказалось, что социальной доктрине противоречат программы «Левой» в сфере семейной этики и «Альтернативы для Германии» в части неприятия иммигрантов⁴. Германия является примером того, как политика секуляризма предотвратила объединение христиан-избирателей с «правым популизмом»⁵, но и по всей Европе этого объединения не наблюдалось, кроме Польши и Венгрии. В Италии лидер «Лиги» М. Сальвини подвергался критике со стороны иерархов церкви, папа Франциск упорно отказывал ему в аудиенции, но часть католиков все равно голосовала за него⁶.

Демократическое поведение церквей на волне кризисов 2010-х гг., во-первых, объясняется историческим уроком, который верующим преподнесла Вторая мировая война, – это опыт губительного лоялизма церковных структур в нацистской Германии, во франкистской Испании, в Португалии периода прав-

1 «Правмир» прекращает взаимодействие со «Спасом» до принесения публичных извинений священнику Алексею Уминскому // Правмир. 12 апреля 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/pravmir-prekrashhaet-vzaimodejstvie-so-spasom-do-prineseniya-publicnyh-izvinenij-svyashhenniku-aleksiyu-uminskomu/> (дата обращения: 03.09.2021).

2 Лункин et al. 2020, 140.

3 "Europe: it's our Future. A Tool for Church Action in the 2019 European Parliament Elections from the Conference of European Churches and Churches' Commission for Migrants in Europe," accessed September 3, 2021, http://www.ceceurope.org/wp-content/uploads/2019/03/CEC_eu-election_EN_8.pdf; "Rebuilding Community in Europe. COMECE Bishops' Statement in View of the 2019 European Elections," accessed September 3, 2021, http://www.ceceurope.org/wp-content/uploads/2019/02/2019-02-12_Election_Statement.pdf.

4 Фаустова, М. Католики обвинили «Альтернативу для Германии» в антихристианской политике // Независимая газета. 17 августа 2021. [Электронный ресурс]. https://www.ng.ru/ng_religii/2021-08-17/9_513_germany.html (дата обращения: 03.09.2021).

5 Tobias Cremer, "Why are Christians in Germany more Immune to far-Right Populism than in the US?" Opendemocracy, 12 July 2021, accessed September 3, 2021, https://www.opendemocracy.net/en/global-extremes/why-are-christians-germany-more-immune-far-right-populism-us/?utm_source=tw.

6 Gregorio Sorigi, "The Pope, the Populist and the Italian Bishops," The Tablet, June 20, 2019, accessed September 3, 2021, <https://www.thetablet.co.uk/features/2/16251/the-pope-the-populist-and-the-italian-bishops>.

ления А. Салазара, а также при атеистическом режиме в СССР. Этот опыт до сих пор актуален, его постоянно обсуждают в церквях, он стал частью богословия страдания и осознания ценности личности в современном мире. Во-вторых, церкви в результате эволюции XX в. оказались встроены в демократические институты (по большей части это касается католиков и протестантов) и не мыслят себя вне их, даже если у них нет достаточного опыта пребывания в демократической системе, как у РПЦ или БПЦ. Сама по себе религиозная община стала институтом, который, по сути, сопряжен с правами и свободами, с гражданской, социальной активностью и солидарностью. Именно поэтому христианские церкви оказались в центре политических дискуссий.

Религия против недемократичного либерализма

В ходе «третьей волны» демократизации по С. Хантингтону церкви боролись с понятным идейным противником – тоталитарными режимами. Во время «четвертой волны» они столкнулись с более сложными и неоднозначными гибридными авторитарными системами на постсоветском пространстве, которые формально не враждебны религии (в этом случае религия скорее становилась частью этих авторитарных систем). При этом в качестве главного врага религии выступила либеральная демократия с агрессивной экспансией универсальных ценностей. На фоне последовательного участия религиозных деятелей в отстаивании прав и свобод человека не всегда справедливыми выглядят обвинения верующих в архаичном фанатизме и авторитаризме (к примеру, тех, кто выступает за сохранение традиций, будь то в США, Польше, Венгрии, Италии, России или Индии). Такие обвинения связаны с тем, что они воспринимаются как подрывающие легитимность сложившегося в мире либерального порядка.

Для того чтобы понять традиционалистскую реакцию разных религий, необходимо рассматривать ее в контексте социально-политических изменений в современном мире. Сторонники прав и свобод человека не видят для себя альтернативы и полагают, что их идея – воплощение ценностей демократии – наивысшая ступень развития человечества, а реализация прав и свобод разных категорий граждан – это механизм для достижения неоспоримого гуманистического идеала. У данной точки зрения, по сути, нет консолидированных противников в мире, нет единой идеологии, противостоящей современному пониманию демократии. Условные диктаторы и авторитарные режимы во многом являются воображаемыми врагами демократического мировоззрения, так как в чистом виде они представлены, возможно, только в Северной Корее. Даже полуавторитарные или гибридные режимы не могут считаться идейными противниками демократии, так как они частично воплощают демократические принципы на практике, а также признают принципы прав и свобод человека в качестве универсальных.

Религия сталкивается не с демократическими принципами, а с их определенным идеологическим толкованием. С такими толкованиями часто выступают сторонники либеральной демократии, которая в западном мире стала эталоном восприятия прав и свобод человека. Это идеологическая концепция трактовки демократического устройства общества, которая зародилась в послевоенный период в XX в. и достигла своего пика в конце 1990-х – в 2010-е гг. Решающее

влияние на нее оказали левые социалистические идеи, что отразилось в гипертрофированном внимании к правам эксплуатируемых (меньшинств) и в намеренном стремлении уменьшить влияние эксплуататоров (большинства) в виде традиционных институтов и ценностей¹. Противостоят ей разрозненные традиционалисты: достаточно вспомнить неудачные попытки создать общий фронт защиты иудео-христианских ценностей премьер-министром Венгрии В. Орбаном, а ранее – итальянским политиком М. Сальвини².

Первоначально в качестве инструмента либерального порядка, компрометирующего традицию большинства, выступал принцип религиозного плюрализма, подрыва монополии какого-либо одного института. Между тем этот способ оказался малоэффективным, поскольку в действительности свобода совести для всех людей является общепризнанной идеей, противостояние которой и правда негуманно. Кроме того, формальное признание прав конфессиональных меньшинств в разных странах и повышение их статуса (к примеру, борьба Свидетелей Иеговы – организация запрещена в РФ – за статус субъекта публичного права в Германии и новых движений в других странах получала поддержку Европейского суда по правам человека) практически нигде само по себе не подрывало влияние традиционных институтов.

Процесс секуляризации (потеря влияния религии в публичной сфере, в обществе, необязательность религиозности, в отличие от эпохи, предшествующей Новому времени³) сопутствовал повсеместному признанию принципа плюрализма как закономерного явления. Размывание или уничтожение прежней идентичности верующих стало происходить не как прямое следствие секуляризации (она лишь уменьшала их количество), а как результат навязывания религиозному обществу, вслед за остальным обществом, антитрадиционалистских ценностей. Это и стало самой острой проблемой в публичном пространстве.

Религия, что получило свое воплощение в заявлениях популистских политиков в защиту «иудео-христианских ценностей», стала символом реакции традиционалистов. Представители других сфер жизни общества оказались неспособны на такого рода критику. Работники массмедиа, университетская интеллигенция сами являются проводниками либеральной демократии. А среди политиков такого рода критика считается неэтичной, так как либеральная демократия отождествляется с демократическим путем развития человечества в целом. Такого рода «неприличность» критики либеральной демократии достаточно ярко проявилась лишь в ходе президентства Д. Трампа в США, когда он и его избиратели были обвинены в фашизме. То же самое произошло и с правыми, и с левыми популистами в Европе, с традиционалистами в Польше и Венгрии. Американские политики-демократы и лидеры Евросоюза, либеральный истеблишмент с легкостью объясняют позицию критиков либеральной демократии их «национализмом» и личной корыстью. Дискредитация политиков, оппозиционных современному порядку, построенному на либеральных началах, стала обычным делом,

1 Лункин et al. 2020, 5–14.

2 Лебедев, И. Правый поворот. Партии трех стран ЕС хотят создать «консервативный интернационал» // ТАСС. 6 апреля 2021. [Электронный ресурс]. <https://tass.ru/opinions/11072087> (дата обращения: 03.09.2021).

3 Taylor 2018.

однако религиозный фактор и авторитет церковных лидеров во многом сохранили свое твердое положение – как в силу двойственной роли религии в обществе (она может быть и знаменем либерализма, и консерватизма, ее свобода считается одним из главных достижений демократии), так и по причине того, что религия стала самым непокорным бастионом мировоззренческой свободы, представлений об абсолютности истины и идентичности.

Конфликты с участием церквей стали происходить повсеместно после агрессивного продвижения новых моральных ценностей, которые включают в себя признание и пропаганду образа жизни сексуальных меньшинств, идеи сохранения права на аборт, гендерное равенство и т.д. Практически все религии выступают категорически против абортов, так как это касается вопросов жизни и смерти человека. Однако в отношении сексуальных меньшинств, по крайней мере, христиане далеко не так категоричны, как 100 лет назад – никто не требует ни подвергания представителей такого рода меньшинств остракизму, ни уголовного преследования за такие отношения. Столкновения происходят вокруг роли самого фактора сексуальных меньшинств в обществе, роста публичности признания такого рода отношений, их идеализации для большей части граждан. Христианские церкви, в которых в разной степени представлены традиционные и либеральные группы, являются наиболее консолидированной традиционалистской силой¹.

В реакции властей, СМИ, либеральной части общества ярко проявилось стремление исключить «непокорную» религию из гражданского общества. В процессе демократической трансформации посткоммунистических обществ особенно заметно, когда религиозным институтам прямо запрещают пользоваться своими демократическими правами. Гражданские акции верующих в поддержку семейных ценностей маркированы либеральными силами как «агрессивные», «асоциальные». Лучше всего это видно на примере России, Грузии, Армении, Польши, Венгрии.

Например, в Армении премьер-министра Н. Пашиняна в ходе массовых демонстраций поддерживала протестантская церковь «Слово жизни», она же потом критиковала его правительство за «ЛГБТ-пропаганду». На Армянскую апостольскую церковь, которая оказалась по другую сторону баррикад, обрушилась критика в СМИ, была предпринята неудачная попытка смены церковной власти в Эчмиадзине². В Грузии протесты духовенства Грузинской патриархии против проведения гей-парада были восприняты как противодействие церкви всему процессу евроинтеграции, а верующие активисты представлены в массмедиа как экстремисты, хотя жесткие столкновения происходили с обеих сторон³. Критике с идеологических позиций подверглась Польша за позицию по поводу нежелания пускать к себе иммигрантов, за запрет абортов; Венгрия – за запрет пропаганды гомосексуализма и также за позицию по иммиграции (католики и протестанты в этих странах в основном солидарны с позицией властей, католические

1 Лункин et al. 2021, 97–108.

2 Лункин 2018, 182–188.

3 Ахметели, Н. Против Запада и прайдов. Ставит ли грузинская церковь крест на евроинтеграции? // Би-би-си. 7 августа 2021. [Электронный ресурс]. <https://www.bbc.com/russian/features-58106775> (дата обращения: 03.09.2021).

епископы Польши в большей степени критикуют власти за нежелание пускать иммигрантов, чем венгерские епископы). Евросоюз попытался поставить в зависимость от соблюдения странами этих «ценностей» выделение им финансовой помощи в ходе пандемии, из-за чего депутаты Европарламента сравнили идеологический контроль со стороны ЕС с эпохой Советского Союза¹.

Раздражение непримиримостью религиозных сообществ проявляется в разных странах мира, где верующие вступают в какой-либо острый социальный конфликт. В Индии – это столкновения индуистов с мусульманами, протестантами, католиками, с деятелями искусств, посягающими на священные образы богов; в исламских государствах – это конфликты на почве прозелитизма со стороны христиан и, таким образом, проникновение размывающего традицию и идентичность универсализма по образцу западных стран. В странах Евросоюза и России споры вокруг оскорблений чувств верующих связаны в основном с конфликтами секуляристов и традиционалистов. С одной стороны, в религиозной среде в качестве реакции на либеральную демократию возникают группы фундаменталистов, которых легко спровоцировать проявлениями неуважения к их вере и к сакральным символам. Именно поэтому время от времени у верующих вызывают возмущение то оскорбительные выставки, то театральные представления, то «ловля покемонов» в храме, то шутки телеведущих о Христе. С другой стороны, либеральная часть общества намеренно усугубляет имеющиеся социальные противоречия для более основательного утверждения прав и свобод человека в духе антитрадиционализма. Показательны случаи, которые хотя и не являются практикой повседневной жизни, но имеют демонстративный характер. Это осуждения работников за ношение крестов в больницах и офисах, штрафы, накладываемые на пасторов и священников за цитаты из Библии по поводу греха гомосексуализма, лишение празднования Рождества религиозных символов. Все это не только не сочетается с классическими принципами либерализма о свободе мнений и идей, существенно расходится с демократическими нормами.

В западном мире появились и свои «секулярные террористы». Норвежец А. Брейвик в 2011 г. и новозеландский стрелок Б. Таррант в 2019 г. совершали свои преступления для борьбы с мультикультурализмом, с исламом и фактически с существующими христианскими церквями, которые, как следует из их заявлений, не встают на защиту «традиций Европы». В своих манифестах они отмежевались от христианства, А. Брейвик прямо писал о разочаровании в церкви, которая не соответствует «боевому духу» и не склонна защищать Европу от иммигрантов-мусульман. В 2020 г. в США и Европе уже сами христианские храмы на волне протестов против смерти Дж. Флойда и пандемии подверглись нападению со стороны левых из движения *Black Lives Matter* и ЛГБТ-активистов как символы ненавистной «воли и традиции большинства».

Религиозная сфера стала своего рода основой для испытания границ либеральной демократии. Этот процесс и выявил негативные черты этой идеологии,

1 "EU Values in Hungary and Poland: Debate on Recent Developments. Press Releases LIBE. 30-11-2020," accessed September 3, 2021, <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20201126IPR92511/eu-values-in-hungary-and-poland-debate-on-recent-developments>.

заставил одних отрицать «современную демократию» вообще, а других говорить о необходимости скорректировать либерально-демократические принципы.

В рамках этой «четвертой волны» демократизации у каждой религии есть своя специфика. Для христианских церквей, прошедших через секуляризацию и вступивших в постсекулярную эпоху, оказались неприемлемыми как антихристианская и христианская формы авторитаризма, так и их гибридные вариации. В этом отношении все три крупные конфессии – католицизм, православие, протестантизм – выступают сообща (у них только разная степень вовлеченности в демократические структуры, и они в разной степени расколоты на традиционалистов и неолибералов). Иудаизм играет особую глобальную роль, в нем есть также представители разных идейных лагерей. Буддизм и индуизм, по существу уже ставшие глобальными религиями с новыми вестернизированными ответвлениями, в политическом смысле все же в большей степени проявляют себя в регионах своего изначального этнического происхождения.

С исламом сложилась иная ситуация: бурный рост мусульманских стран и народов, а вместе с ними и последователей этой религии, сделал эту религию столь же глобализированной, как и другие религии мира. Причем, как и христианство, ислам в значительной степени вышел не только за свои географические, но и за этнические границы, став миссионерской верой для всех. Обладая такой силой, ислам не мог не вступить в радикальное противоречие с западным миром. Во-первых, мусульмане, естественно, не воспринимали демократию как нечто свое родное, выстраданное, как у христиан. Во-вторых, проникновение ислама в западный мир сопряжено с более резким, чем у христианства, отторжением либеральной демократии. Ислам не имел иммунитета против секулярной идеологии (в виде значимых групп либералов внутри конфессий), и, главное, он столкнулся с тем, что не имеет никаких способов влияния на либеральную демократию, не может ее никак изменить. Это ощущение собственной силы и одновременно бессилия что-либо поменять и создало почву для исламского радикализма и экстремизма.

Ислам изначально не вызывал опасений в странах ЕС. Однако он не оправдал надежд сторонников либеральной демократии. Помимо того, что в ходе политики мультикультурализма оказалось, что исламские сообщества не ассимилируются, становятся анклавами или гетто, мусульмане проявили себя в целом как более консервативные верующие, более резко, чем христиане, реагирующие на удаление религии из публичной сферы и на публичное поправление традиционалистских моральных норм (роль женщины, сексуальная этика, однополые отношения). Ислам и гражданские активисты из числа иммигрантов стали вызывать не только страх, что проявилось и в общественных настроениях 2000-х и 2010-х гг., но и откровенную враждебность со стороны либеральных элит. Например, в Германии мусульманские общественные организации объявили опасными, во Франции пытаются запретить проявление своей веры в публичном пространстве (ношение хиджабов). Публикации сначала датских карикатур на пророка Мухаммеда, а затем в номерах французского журнала «*Шарли Эбдо*» стали восприниматься как попытки принудить исламских верующих жить в либеральном обществе по его принципам. Трагическим проявлением этой борьбы ислама с либеральной демократией стали теракты экстремистских групп. Свидетельством того, что пробле-

ма так и не была осмыслена в Западной Европе, стало громкое убийство учителя школы в пригороде Парижа С. Пати за показ карикатур на пророка Мухаммеда в классе. Общий тон дискуссий в европейской прессе и, в частности, в выступлениях президента Франции Э. Макрона вокруг этих событий состоял в том, что «мусульмане должны научиться жить в условиях свободы слова»¹, без возможности влиять на содержание этой свободы.

Ареной для противостояния властей и представителей разных церквей также стала пандемия². Скептические настроения по поводу опасности COVID-19 среди верующих крайне маргинальны. В основном религиозные лидеры требовали реализации своих элементарных прав (в их понимании) в рамках санитарных норм, а не вопреки им. Острые столкновения (штрафы и разгоны богослужений и крестных ходов) на этой почве происходили в разных частях света: в США, Евросоюзе, России, а также в странах Юго-Восточной Азии. К проявлениям конфликтов можно отнести аресты и задержания служителей в Черногории на фоне политической борьбы церкви с властями³, а также, наоборот, предоставление свободы действий для верующих во время пандемии в Бразилии в ходе намеренного игнорирования коронавируса, которую проводил член пятидесятнической церкви, президент Ж. Болсонару. Для верующих и их лидеров, которые в целом подчинялись требованиям властей и следовали строгому карантину, осталось непонятным, почему представителями торговых сетей, фармацевтических, строительных компаний властям договариваться было крайне важно, а с религиозными организациями – нет (либо это происходило в последнюю очередь)⁴. В требованиях властей разных стран проявилась характерная для либеральных демократий модель восприятия – отказ в признании субъектности религии, ее специфики, ее права на особый подход, хотя эти права прописаны во всех международно-правовых документах.

Концептуализация религии в рамках «четвертой волны» демократизации (или же «религиозной демократизации» системы либеральной демократии) позволяет обобщить опыт участия верующих в социально-политических конфликтах, понять различные роли, которые играют конфессии и их лидеры в трансформации глобального порядка.

Во-первых, в отличие от эпохи крушения авторитарных режимов и распада советской системы в 1980-е–1990-е гг. религиозный фактор стал играть ключевую роль в социально-политических конфликтах. С одной стороны, он в качестве традиционной силы поддерживал становление национальных государств и их демократический транзит на постсоветском пространстве. С другой стороны, в качестве традиционалистской силы вступал в противоречие с агрессивным продвижением идеи политкорректности и «диктатурой меньшинств» в антииндентистской версии либеральной демократии в Западной Европе и США. Если

1 John Lichfield, "What Macron Forgot about 'Islamist separatism,'" November 30, 2020, accessed November 20, 2021, <https://www.politico.eu/article/what-macron-forgot-about-islamist-separatism/>.

2 Mitrofanova 2021.

3 Кандель 2021, 41–51.

4 Мчедлова 2021.

в рамках «третьей волны» демократизации религия была лишь одним из элементов и одновременно объектов демократизации, то с 2010-х гг. религия – это главный импульсный фактор всего процесса подъема традиционалистских сил в социальном, политическом и культурном измерениях.

Во-вторых, религия оказалась востребована «четвертой волной», так как на повестке дня большинства стран мира встал вопрос либо о возвращении к традиционным ценностям, либо об их защите. Таким образом, понадобилось новое идеологическое наполнение демократии в разных обстоятельствах – от примата идентичности и суверенитета на Востоке Европы до споров традиционалистов и либералов на Западе Европы и раскола американского общества по поводу разных трактовок свободы и либерализма. Противоречивая и ведущая роль религии в этих идейных спорах уже стала общепринятым фактом.

В-третьих, уникальность нынешнего влияния религии на политику состоит в том, что оно демонстрирует отсутствие истинных и основ либеральной демократии, искажение прав и свобод в результате стремления к универсальности (чего в прежние века требовала сама религия). Именно поэтому борьба религиозного сообщества за сохранение традиций, или попытки установить «моральную демократию», вызывает наиболее эмоциональную реакцию у представителей либерального порядка. Публично это ярко выражается в антирелигиозном акционизме и арт-проектах.

Заслуга состоит в том, что она достаточно четко обозначила границы, за которые демократии будущего не стоит переступать: в частности, это признание права на традиционные моральные устои за целыми обществами и государствами, признание религии и религиозных символов, также культуры и идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Европа в поиске новых решений / Под ред. Р.Н. Лункина, П.В. Осолкова. – М.: Ин-т Европы РАН, 2020. – 140 с. http://dx.doi.org/10.15211/report52020_372.
- Lunkin, R.N., Oskolkov, P.V., eds. *Evropa v poiske novykh reshenij*. Moscow: Institute of Europe, 2020 [In Russian].
- Кандель, П.Е. Черногорское чудо: демонтаж режима М. Джукановича // Современная Европа. – 2021. – № 1. – С. 41–51. <https://doi.org/10.15211/soveurope120214151>.
- Kandel, P.E. "Montenegrin Miracle: Dismantling of the M. Djukanovic's Regime." *Contemporary Europe*, no. 1 (2021): 41–51 [In Russian].
- Лункин, Р.Н. Позиция протестантских церквей во время политического кризиса в Армении // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 6. – С. 182–188. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran62018182188>.
- Lunkin, R.N. "The Position of the Protestant Churches During the Political Crisis in Armenia." *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 6 (2018): 182–188 [In Russian].
- Лункин, Р., Филатов, С. Международные отношения и война антитрадиционализма с идентитетом // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 4. – С. 5–14. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-5-14>.
- Lunkin, R., and S. Filatov. "International Relations and the War of Anti-Traditionalism with Identity." *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4 (2020): 5–14 [In Russian].
- Лункин, Р., Филатов, С. Христианские церкви и антиидентистская революция // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – № 8. – С. 97–108. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-97-108>.
- Lunkin, R., and S. Filatov. "Christian Churches and the Antiidentist Revolution." *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 8 (2021): 97–108 [In Russian].
- Митрофанова, А.В. Политизация «православного мира». – М.: Наука, 2004.
- Mitrofanova A.V. *Politizatsiya "pravoslavnogo mira"*. Moscow: Nauka, 2004 [In Russian].
- Религия в современной России: события и курсы пандемии / Под ред. М.М. Мchedловой. – Москва: РУДН, 2021. – 352 с.
- Mchedlova, Marina M., ed. *Religiya v sovremennoj Rossii: sobytiya i diskursy pandemii*. Moscow: RUDN, 2021 [In Russian].
- Наумкин, В.В. Фехтование цивилизаций. Ислам и мусульмане: культура и политика (статьи, очерки и доклады разных лет). – М.: Институт Востоковедения РАН, 2009.

Naumkin, V.V. *Fekhtovanie civilizacij. Islam i musul'mane: kul'tura i politika (stat'i, ocherki i doklady raznyh let)*. Moscow: IV RAN, 2009 [In Russian].

Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Моск. Центр Карнеги, 2009 – 341 с.

Malashenko, A., and S. Filatov, eds. *Religiya i globalizaciya na prostorah Evrazii*. Moscow: ROSSPEN; Moscow Carnegie Center, 2009 [In Russian].

Религия и конфликт / Под ред. А. Малашенко, С. Филатова. – М.: РОССПЭН; Моск. Центр Карнеги, 2007. – 289 с.

Malashenko, A., and S. Filatov, eds. *Religiya i konflikt*. Moscow: ROSSPEN; Moscow Carnegie Center, 2007 [In Russian].

Сюкияйнен, Л. Исламская политико-правовая культура и демократизация в мусульманском мире: конфликт или совместимость? // Религия и конфликты / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: РОССПЭН, 2007. – 289 с.

Syukiyajnen, L. "Islamskaya politiko-pravovaya kul'tura i demokratizaciya v musul'manskom mire: konflikt ili sovместimost'?" In *Religiya i konflikt*, edited by A. Malashenko, S. Filatov, 125–142. Moscow: ROSSPEN; Moscow Carnegie Center, 2007 [In Russian].

Шишков, А. Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России. – Государство, религия, церковь. – 2012. – № 2. – С. 165–177.

Shishkov, A. "Nekotorye aspekty desekulyarizacii v postsovetsoj Rossii." *Gosudarstvo, religiya, cerkov'*, no. 2 (2012): 165–177 [In Russian].

Язбировская, И.С. Четвертая волна всемирного процесса демократизации и развитие гражданского общества в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе. – Полис. Политические исследования. – 2013. – № 5. – С. 145–154.

Yazhborovskaya, I.S. "Fourth Wave of the World Process of Democratization and the Development of Civil Society in Central-East and South-East Europe." *Polis. Political Studies*, no. 5 (2013): 145–154 [In Russian].

Appleby, Scott R. *The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence, and Reconciliation*. Lanham: Rowman and Littlefield, 2000.

Casanova, J. "Public Religions revisited." In *Religion: Beyond the Concept*, edited by W.H. de Vries, 101–119. Fordham U.P., 2008.

Doorenspleet, R. "Reassessing the Three Waves of Democratization." *World Politics*, no. 52 (2000): 384–406. <https://doi.org/10.1017/S0043887100016580>.

Elcott, David M., Anderson, Colt C., Cremer, Tobias, and Volker Haarmann. *Faith, Nationalism, and the Future of Liberal Democracy*. Notre Dame University Press, 2021.

Huntington, Samuel Ph. *The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century*. Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1993.

Haynes, Jeffrey. "Introductory Thoughts about Peace, Politics and Religion." *Religions* 11, no. 5 (May 13, 2020): 242. <https://doi.org/10.3390/rel11050242>.

Inglehart, Ronald, and Christian Welzel. *Modernization, Cultural Change and Democracy: the Human Development Sequence*. Cambridge University Press, 2005.

Mitrofanova, A.V. "The Impact of Covid-19 on Orthodox Groups and Believers in Russia." In *Religious Fundamentalism in the Age of Pandemic*, edited by Nina Käsehäge, 47–80. Bielefeld: Transcript Verlag, 2021.

Norris, Pippa, and Ronald Inglehart. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge University Press, 2019.

Rabkin, Yakov, and Mikhail Minakov. *Demodernization: A Future in the Past*. Ibidem Press, 2018.

Van der Laarse, Rob, Cherenkov, Mykhailo N., Proshak, Vitaliy V., and Tetiana Mykhalechuk, eds. *Religion, State, Society, and Identity in Transition Ukraine*. Publisher: Wolf Legal Publishers, 2015.

Rogozinski, Jacob. *Djihadisme: le retour du sacrifice*, éd. Desclée de Brouwer, 2017.

Palaver, Wolfgang. "Fraternity versus Parochialism: On Religion and Populism." *Religions* 11, no. 7 (June 29, 2020): 319. <https://doi.org/10.3390/rel11070319>.

Taylor, Charles. *A Secular Age*. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2018.

Сведения об авторе

Роман Николаевич Лункин,

д.пол.н., заместитель директора, главный научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН.

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.

e-mail: romanlunkin@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 21 сентября 2021.

Переработана: 6 октября 2021.

Принята к публикации: 1 декабря 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Лункин, Р.Н. Религия и политический процесс: «четвертая волна» демократизации // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (4). – С. 11–27. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-11-27>

Religion and the Political Process: the Fourth Wave of Democratization

ABSTRACT

The article analyzes the role of religion in socio-political processes in Europe, in the post-Soviet space, and more broadly in the Western world. The structural and functional approach, methods of sociological and political analysis of the religious factor as a political phenomenon are applied. The purpose of the study is to analyze the role of religion (mainly Christian churches) in democratic processes on the example of the EU member states and the post-Soviet space. Special attention is paid to the participation of various Christian churches in socio-political transformations, conflicts and “orange” revolutions, as well as to the opposition of religion to the ideology of modern liberal democracy from the standpoint of traditionalism (identity). It is concluded that religion has become an important marker of a global phenomenon that can be called the “fourth wave” of democratization (following the periodization of S. Huntington). If within the framework of the third wave, religion was one of the elements and at the same time objects of democratization, then since the 2000s religion is the main impulse factor of the entire process of traditionalist democratization in social, political and cultural dimensions. The civic activity of believers corrects liberal democracy, makes it more “moral,” and not archaic. The merit of religion is that it has clearly defined the boundaries beyond which the democracy of the future should not be transgressed: the recognition of the right to traditional moral foundations for entire societies and states along with the usual liberal freedoms, i.e., equality of all races and peoples, the value of every person, the freedom of speech.

KEYWORDS

liberal democracy, religious identity, democratization, traditionalism, civic activism, post-secularism

Author

Roman N. Lunkin,

Doctor of Political Sciences, Senior Fellow, the Head of the Center for Religions and Society Studies, Department of Social and Political Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the journal "Contemporary Europe".

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009.

e-mail: romanlunkin@gmail.com.

Additional information

Received: September 21, 2021. Revised: October 6, 2021. Accepted: December 1, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Lunkin, Roman N. "Religion and the Political Process: the Fourth Wave of Democratization."

Journal of International Analytics 12, no. 4 (2021): 11–27.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-11-27>